

1

Это произойдет сегодня. Легкое нажатие на курок, одновременно послышится глухое «пах», рука вздрогнет от толчка... Отдача будет минимальная, пистолет супер, но все же толчок неизбежен. Оружие следует держать, выпрямив локоть, упираясь в сустав плеча и в позвоночник, тогда пуля полетит прямо в цель. Крошечная и легкая пуля... Она ощутима, когда лежит на раскрытой ладони и ее слегка подбрасываешь, но в сжатом кулаке веса не чувствуется, будто там нет ничего. Решимость непоколебима. Она холодна, как сталь в руке, возвращенная мечтами и тренировками, когда пули летели в мишень, заменяющую человека, человека бесполого, абстрактного. Выстрелить предстоит в конкретного и живого...

— Меня тошнит от тебя, — сказала невеста тихо, положив на плечи жениха руки в длинных перчатках.

— Стерпится — слюбится, — отозвался он, беря ее за стан, обтянутый кружевным платьем.

— Горько! Горько! — дружно скандировали гости за П-образным столом самого большого ресторана в городе.

Жених привлек невесту и развернул ее таким образом, что пышная фата закрыла его полностью, а гости вынуждены были смотреть на спину ново-
брачной. Молодые не целовались. Она закатила

глаза к потолку, демонстрируя жениху, как ей это все надоело, он терпеливо сносил ее выпады.

— Не видно! — выкрикнули из зала.

— К нам разверни! — поддержал бас на другом конце стола.

— Хотим видеть ваши губки, — дополнил их писклявый голос рыхлой и пошлой бабенки.

— Горько! Горько! — заорали гости на пределе голосовых связей.

— Да когда ж это кончится? — процедила невеста сквозь зубы.

— Никогда, — спокойно ответил жених.

Она презрительно фыркнула и повернулась к залу с кислой улыбкой на лице. Гости не унимались, они жаждали насладиться смущением юной невесты, которая капризно закусил губу и сердито сдвинула бровки, а в женихе желали видеть мужскую настойчивость и силу собственника по отношению к девочке-жене. Но он их все больше разочаровывал, не загребал невесту в объятия, не прижимал крепко и не целовал жарко. Сплошное недоразумение, а не жених.

— Горько! Горько! — сотрясались от криков стены.

Вдруг шум стих, как по знаку дирижерской палочки. Держа в руках рюмку, поднялся с места солидный мужчина, барским взором окинул присутствующих, задержал его на молодоженах...

Это был отец невесты, самый богатый человек города, самый влиятельный, самый могущественный, самый... продолжать необязательно, понятно и так, что он сумел подмять под себя весь город и стать некоронованным королем. Давным-давно он едва не угодил за решетку из-за кое-каких махинаций, а был уже тогда лицом должностным и ответственным, спасла его счастливая звезда, упавшая на державу в виде перемен. «Не приведи боже жить во времена перемен», — гласит, кажется, китайская мудрость. Смотря для кого!

Отец невесты, Феликс Георгиевич, прозванный
6 в городе Железным Феликсом, любил повторять

другую мысль, возведенную в ранг мудрости: «Есть только миг, за него и держись!» На его счастье миг затянулся на годы, и конца ему пока не было видно, а перемены, которые так не любят китайцы, принесли Феликсу баснословные деньги и... власть. Так-то!

Железного Феликса простые люди называют мафиози. Это не совсем верно. У нас выработался стереотип мафиози и его окружения — жуткого вида головорезов с бесстрастными рожами убийц и автоматическими пушками за поясом. Нет, нет и нет. Феликс в данное прокрустово ложе не вписывается. Его быки (их почему-то называют телохранителями) выполняют разную работу. До чего же народ любит преувеличивать! Так вот, быки Феликса не устраивают разборки с взрывами на дорогах и прочей атрибутикой войн бандитских формирований, никому не угрожают, не убивают из-за угла противников. Железный Феликс потому и железный, что умеет договориться, убедить, подчинить себе врага без лишнего шума. Да и вообще он довольно добродушный, уравновешенный человек, любит порядок. Потому-то в данном провинциальном городке и спокойно, никто даже языком не треплет, разве что какой пенсионер размахивает кулаками в общественном транспорте, ну и хрен с ним... пардон, Феликс таких слов не употребляет.

Когда он встал — а на свадьбе любимой дочери собрался весь цвет города, первые люди, — зал уважительно... заткнулся. По-другому и не скажешь. Приятно. Приятно сознавать свою значимость, Железный Феликс любил поклонение, лесть. Он выдержал долгую паузу, слушая дыхание зала, который ждал, что же скажет король. Слегка располневший, вдовствующий и не желающий вторично связывать себя брачными узами к глубокому прискорбию львиц города, внешне он был очень даже хорош. Седая борода, голубая проседь в черных волосах и глаза оленя просто очаровывали женщин, особенно молодых и красивых, которых часто видят в его автомобилях, причем

редко одно и то же личико показывается в окошке дважды. Феликс еще раз обвел взглядом зал, поднял рюмку и тихо, но внушительно сказал:

— Горько.

Жених с невестой поняли: это приказ угодить публике, придется целоваться. Снова руки невесты оказались на плечах жениха. Среди тишины раздался громкий совет:

— Ты взасос ее!

Ржание советчика подхватили за столами. М-да, выражение не соответствует уровню общества, рвущегося в аристократы. Да где ж их взять-то, аристократические манеры? Желаемое — не действительное, принятые внутрь градусы снимают налет аристократизма, а за ним просматривается... лучше не вдаваться в подробности.

Жених посмотрел на отца невесты с немим вопросом. Феликс едва заметно кивнул, мол, выполняй требование, ибо известно: кто платит деньги, тот и музыку заказывает. Жених аккуратно отвел фату, взял невесту за шею и впился ей в губы тем самым поцелуем «взасос», которого потребовали гости. Раздались аплодисменты и громкие одобрительные выкрики. Через мгновение жених отпрянул, грубо оттолкнув суженую, но, спохватившись, виновато оглядел столы. Кажется, никто ничего не заметил...

Герман, старший брат невесты и точная копия Железного Феликса, только вместо бороды он предпочитал носить усы, одобрительно захлопал в ладоши у себя над головой, поддерживая аплодисменты гостей. Одновременно покосился на неподвижно сидевшую рядом подругу. Рита единственная не проявляла бурной радости, глядя на молодых, напротив, на лице ее застыла похоронная маска. Герман закинул руку на спинку стула подруги и процедил с улыбкой:

— Вывеску смени.

— Сменю, — холодно отозвалась Рита, даже не удостоив его взглядом, — когда ты научишь-

ся вести себя, как твой отец. И вообще, оставь меня в покое.

Всем уже было не до молодоженов. Гости, улицезрев положенный «сладкий» поцелуй, загалдели, ища чего бы еще съесть и выпить, а столы ломились от съестного и спиртного. Когда грянула музыка, публика ринулась беспорядочно прыгать по залу, дабы утрясти переполненную утробу. В следующее мгновение поменялась «вывеска» у Германа. Который раз Риту пригласил на танец один из компаньонов отца, директор совместного кипрского предприятия, где она работала референтом, а зачастую и переводчиком — двойная нагрузка за одну зарплату. Рита демонстративно, специально для Германа, обрадовалась, поднялась, подав руку начальнику, кстати, холостому. Герман успел ей шепнуть:

— Если он еще раз пригласит тебя, я его убью.

— В таком случае, дорогой, — произнесла она сквозь зубы, — я должна была убить тебя раз сто, не меньше. Воскрешать и убивать, воскрешать и убивать. И не из-за танцев!

Герман импульсивно сжал вилку в кулаке и свел челюсти, затем достал сигарету, мял ее, решая — курить или не курить. Иногда воровато выискивал взглядом в толпе Риту, хмурился, оглядывался по сторонам.

Тем временем жених тер ступню, косясь на повеселевшую невесту. Во время поцелуя она стала ему на ногу, перенеся вес тела на тонкую шпильку. Больно.

— Ты полегче, — предупредил он.

Но она лишь потянулась за бутербродом с черной икрой, глядя со скукой на пустившихся в пляс гостей. Народу много. Тесновато. Плюс оркестр, в перерывах между танцами еще девочки из ансамблей местной самодеятельности, два юмориста-тамады, руководившие торжеством... Душно. Даже кондиционеры не спасают. Да и день выдался утомительный.

В течение целых трех часов молодые обходи-

ли гостей, поднося им выпить на подносе. Сваха при этом громко объявляла:

— У нашего жениха и невесты есть родственник... друг... знакомый... — и так далее.

Молодые кланялись в пояс, подавали гостю желаемый напиток, а тот взамен вместе с личным поздравлением оповещал о подарке. Остальные томились за столами. В некоторых уголках страны свято соблюдают традиции, в особенности они оказываются к месту, когда хозяин торжества может воочию убедиться в щедрости приглашенного. А если учесть соревнование меж гостей (нельзя же преподнести подарок хуже, чем другие), можно представить, во что обошлась свадьба не только Феликсу. Правда, разослав приглашения, он несколько дней спустя лично обзвонил будущих гостей и без обиняков назвал, какой желателен подарок. Польза от этого была обоюдная. Во-первых, сохраняется масса времени, приглашенным не надо рыскать по магазинам в поисках чего-то особенного. Разумеется, Железный Феликс хорошо знал толщину кошелька каждого приглашенного, поэтому лишнего не запрашивал. Во-вторых, таким образом исключаются двойные подарки, которые потом надо куда-то пристраивать.

— Как будем барахло делить при разводе? — спросила невеста жениха во время церемонии дарения.

Тот тогда не ответил, только пожал плечами. Теперь же, после принудительного поцелуя, она, слизывая икру с тонкого кусочка хлеба, обрадованно воскликнула:

— Знаю!

— Что ты знаешь? — насторожился он, подозревая, что на ум его невесте пришла очередная гадость.

— Знаю, как делить будем. Распилим каждую вещь.

Ей очень хотелось досадить этому типу, вывести его из себя. Делала она это по-детски, а потому цели не добилась. Снисходительно усмехнувшись, глядя на горку из кусочков хлеба перед ней на

тарелке, жених взял сигарету и отправился курить на воздух, оставив вторую половину придумывать новые, более эффективные пакости.

— Шампанского? — Герман поднес бутылку к бокалу Риты.

— Нет, — сухо ответила она, явно не желая с ним разговаривать.

— М-да... — вздохнул он, помрачнев. — Ты сегодня не в духе. Чем недовольна?

— Всем.

— Рита, можно тебя пригласить? — сзади, опершись о ее стул, склонился Андрей, но вдруг спохватился, спросил у Германа, однако с вызовом: — Ты не против?

— Пожалуйста, — великодушно разрешил тот, многозначительно усмехнувшись.

Усмешка не понравилась ни Андрею, ни Рите, было в ней нечто презрительно-оскорбительное. Пока Рита торопливо выходила из-за стола, будто убегала, Андрей успел метнуть выразительный и недружелюбный взгляд в Германа. Тот нарочито зевнул и показал затылок, дескать, плюю я на твои выпады. Все произошло очень быстро, немой пикировки Рита не заметила, смешалась с Андреем в танцующей толпе. Герман, выпив рюмку, погрузился в собственные мысли, а ему было о чем подумать.

Сидевшие напротив, немного наискосок, две молодые женщины за ними наблюдали. Одна из них была редкой, что называется — ослепительной красоты. Смоляные волосы до плеч окружали лицо с крупными чертами, но в таком гармоничном сочетании, что дух захватывало. Фиалковый цвет глаз подчеркивало нежно-сиреневое платье, обтягивающее великолепные формы, само собой, туфли были в тон платью. У мужчин она вызывала восторг, у женщин — злую зависть. Ее соседка ничем из общей массы не выделялась, 11

так, миловидная шатеночка. Они-то как раз немую сцену между Андреем и Германом заметили.

— Белла, — обратилась соседка к красавице, исподволь указывая на Германа, — ты не знаешь, что он нашел в этой Фроське?

— В Рите? — томно повернулась к ней Белла. Она вообще вся целиком состояла из неги и томности: злые языки утверждали, что Белла постоянно находится в стартовой готовности к сексу. — И не только Герман, Зочка, Андрюша тоже.

— Ну что в ней такого притягательного? — сокрушалась Зоя. — Герман и Андрей готовы разорвать друг друга на клочки. Ты посмотри на нее внимательно, корчит из себя, по меньшей мере, герцогиню, а сама не что иное, как мыльный пузырь, дунешь — и нет ничего. Чем она мужиков берет? Преснятиной с кислятиной?

— Не знаю, — пожала плечами Белла. — Фигурка у нее неплохая, Рита мила, горда. Может, она в постели само совершенство.

— Ой, перестань! — поморщилась Зоя, а через минуту придвинулась ближе, тон ее стал заговорщицким. — Слушай, Белла... а слабо тебе отбить у нее Германа?

— Запросто, — самоуверенно заявила красавица. — Только зачем? Он, говорят, неуравновешенный, избалованный и циник. С такими всегда море проблем. Им нужна нянька, совмещающая обязанности жены и любовницы, но без претензий на узы брака. А я привыкла к другим отношениям — чтобы меня обожали и на руках носили.

— Зато он красив, собака, а главное — богатый, сволочь.

— Милая моя, в нашем населенном пункте настоящих богачей нет и быть не может. И потом, деньги, насколько мне известно, принадлежат его отцу.

— Это одно и то же.

— Не скажи. Герману переппадают жалкие крохи, которые ему кидает отец, стало быть,

наш завидный жених всего-то наймит. Ему ведь около тридцати?

— Тридцать, — подтвердила Зоя.

— О! В его годы люди нынче сами делают состояния, а не живут под эгидой папочки.

— Но после, хм... Феликса все достанется ему. Светке мало что перепадет, из нее бизнесменша, как из меня королева Англии.

— И когда ж настанет сей благословенный день? Лет через двадцать? Тридцать? Нет, меня такая перспектива не устраивает. Мне нужно все сейчас, а не в далеком будущем.

— Ты просто ищешь отговорки. Сдрейфила? — подзуживала ее Зоя.

— Кто? Я?! — И Белла рассмеялась в голос, а потом подалась немного вперед и обратилась к молодому и важному человеку, сидевшему напротив. — Феденька, ты не хочешь меня пригласить потанцевать?

— Жажду! — воскликнул тот, подскакивая.

Торопливо дожевывая, он увлек совершенство под именем Белла на середину танцевальной площадки, где Андрей все ближе притягивал к себе Риту, которая старалась держать его на расстоянии, упираясь руками в грудь. Иногда, словно невзначай, он касался губами ее лба, виска, волос. Рита упорно делала вид, что не замечает настойчивых попыток обольщения.

Как и Герман, Андрей неровно дышит к ней, но с той лишь разницей, что первый имеет доступ к телу, а второй нет. А Андрею хотелось бы. Честно сказать, его самолюбие страдало, быть отвергнутым — штука неприятная. Тем более что по всем внешним характеристикам он не уступает Герману, даже превосходит его. Высокий, стройный блондин с темно-серыми глазами. Ко всем внешним плюсам у него более покладистый характер, он не буян, не бабник(!), имеет собственный бизнес. Да он — несбыточная мечта для любой! Однако Рита сторонится его! «Вот какого черта ей надо?!» — не раз спрашивал себя Андрей.

— Ты придавил меня, — прервала ход его мыслей Рита.

Придавил! Так она назвала жаркие объятия, которые он позволил себе во время танца. Тем не менее он не обиделся, а ослабил тиски:

— Извини, я забылся... Ты сегодня не в настроении?

— Угадал.

— Понятно. Трудно быть в настроении рядом с Германом. Знаешь, меня поражает твое терпение. Прости, я, кажется, лезу не в свои дела.

— Говори, говори, не смущайся.

— Не хочу высказывать неприятные вещи.

— Ладно, я выскажу их вместо тебя. Я — дура, идиотка, кретинка, так? — вызывающе начала Рита.

— Ну... где-то близко, — улыбнулся Андрей, как улыбаются, глядя на подростков-максималистов.

— Мне давно пора послать Германа на три буквы, так? Я стала посмешищем и не внушаю уважения, ведь нельзя уважать человека, терпящего унижения, да? И причина всему, думаете вы...

— Стоп. Кто — мы?

— Ты и эти все. — Рита подбородком обвела зал. — Прокисшие сливки общества. Так вот, вы думаете, что причина в деньгах...

— Не угадала, — перебил ее Андрей, все так же снисходительно улыбаясь. — Ты просто боишься перемен. Привыкла к Герману, как большинство жен привыкает к мужьям-тиранам, и что-то изменить в жизни для тебя подобно катастрофе. Нет, дело не в деньгах. А кто так думает, тот полный болван. Ты всего-навсего трусиха, и выход у тебя один, если хочешь избавиться от свинства Германа.

— Вот как! И какой же выход?

— Выходи за меня замуж.

— Ты серьезно? — Она недоверчиво вскинула вверх брови и отклонилась назад, чтобы лучше рассмотреть Андрея. — Заманчивое предложение. Главное,

14 вовремя.

— Ты готова дать положительный ответ?

— Конечно, нет. Видишь ли... — она слегка замялась. — Ты уже был женат и знаешь все бабские слабости. В моем положении старой девы... то есть, разумеется, я не дева, но замужем не была, хотя мне уже двадцать восемь лет. В общем, у меня... как бы это сказать... комплекс неполноценности. Да, именно так. Я запрограммирована на подвох, обман...

— И какой же подвох ты видишь в предложении выйти замуж?

— Ну, не знаю. Сейчас возник большой шум в связи с грязной историей, касающейся Германа. Я тоже вроде к этому причастна, то есть... не причастна, но... вроде как в обиженных состою. Естественно, я злюсь на него. А ты подгадал удобный момент. С одной стороны, я не стала с тобой спать, с другой — ты и Герман на ножах, таким образом, ты решил разом получить все: досадить Герману и удовлетворить свое самолюбие. Вот в чем подвох.

— Ничего себе виражи! Даже логика есть. Не скрою, я хочу оказаться с тобой под одним одеялом. А что в этом плохого? Я предложил тебе стать женой, а не любовницей. Ты же меня обвинила черт знает в чем! А что сама собираешься делать? Всю жизнь слыть пассией Германа, и только? Я бы мог понять твоё самопожертвование, если бы ты была у него единственная, но ведь это не так! И тебя устраивает положение наложницы из гарема? Тогда ты достойна тех слов, которые произнесла от моего имени: ты дура и так далее. Возможно, я поступаю не по-мужски, но я действительно уязвлен...

— Андрей... ты слишком громко говоришь, на нас смотрят.

— Тебя волнует, что будут говорить о нас? Ты удивляешь меня. А почему тебя не волнуют пересуды о вас с Германом? Меня ты отвергаешь, а его принимаешь со всем дерьмом. Почему?

— Тебе знакомо такое понятие: люблю — не люблю?

— Ах, вон оно что! «Чем меньше женщину мы любим...» Понятно. Значит, ты мне отказываешь?

— Нет... я подумую... Не обижайся.

— Соглашайся, и твои «понятия» предстанут совершенно в другом ракурсе. Надо и о себе думать.

Закончился танец. Андрей проводил ее на место, напомнив:

— Мое предложение остается в силе, я жду.

— О чем это он? — спросил Герман, провожая его равнодушным взглядом.

— Он предложил мне выйти за него замуж. Я согласилась подумать.

— Да? Ну-ну... Я пошел курить.

И черт его знает, что означало это «ну-ну»! Слезы обиды наполнили глаза. Рита достала зеркало и принялась мастерски изображать, будто в глаз попала соринка. За этим занятием она пришла к неутешительному выводу, что Андрей прав: Герман скотина.

— Я выйду за Андрея, — сказала самой себе Рита.

2

— Светка!.. — вдруг услышала невеста за спиной тихий голос.

Она вздрогнула, словно ее испугали, впрочем, Света испугалась на самом деле, сердце бешено заколотилось, а щеки мигом стали алыми.

— Егорка, ты с ума сошел!

Оглянувшись на Егора, она не смогла скрыть восхищения. В свои восемнадцать Света не успела научиться лицемерить, на хорошеньком личике запросто читались мысли и чувства. Улыбнувшись впервые за последние несколько дней, она спросила:

— Как ты пробрался сюда?

— А чего тут пробираться? — Егор присел перед ней на корточки, скрывшись от гостей за накрытым

16 столом. — Все упились, туда-сюда ходят... на-

роду много, разве ж всех упомнишь? Я и костюм для этого случая надел, чтоб не отличаться.

— Егорка... Егор... — шептала Света, держа юношу за руки, и все тридцать семь веснушек смеялись от счастья на ее носу.

Веснушки... они так не нравятся Светлане, но от них в восторге Егор. Света насчитала всего тридцать штук, а Егор тридцать семь... Но вот оба погрустнели...

В эту минуту Андрей подсел к матери. Она была директором школы, что наложило отпечаток на весь ее облик: замордованная училка вкупе с суровым надсмотрщиком. Кира Викторовна восседала за столом с прямой спиной и неприступным видом, ее зоркое око было направлено на кого-то конкретно. Если кто из многочисленных гостей оказывал ей на расстоянии знак внимания — ручкой махал, к примеру, — она мгновенно надевала на лицо приветливую улыбку, затем так же быстро снимала ее. Андрей проследил за взглядом матери и понял, кто так заморозил ее: белокурая девушка с волосами до пояса и чудными искрящимися глазами, она светилась счастьем, красотой, молодостью.

— Кто это? — спросил Андрей.

— Моя бывшая ученица, — угрюмо проворчала Кира Викторовна, не сводя с жертвы убийственных глаз. — Талантливая девочка. Медалистка. С красным дипломом институт окончила. Познакомить?

— Я сам в состоянии. Где отец, ма?

— Хм... Задницу лижет Феликсу. Уже, наверное, мозоли выросли на языке.

— Мама! — укоризненно покачал головой Андрей. — Не надоело тебе? Не заводись.

— Не учи меня жить. Ты вообще... Вон какую невесту упустил.

— Светку? — покривился Андрей. — Да какая из нее невеста, тем более жена?

— Ты весь в отца, ничего не понимаешь и без посторонней помощи ты ноль. Феликс

и твой отец в равных условиях были, так вот Феликс смог кое-чего добиться в жизни, а папа наш у него на побегушках. Ума у нашего дурака не хватило. Сейчас бы он мог быть первым. Если б не этот тип, твой отец на многое не решился бы. Феликс вконец испортил его, Петя был другим.

— Ма! За что ты Феликса ненавидишь? Имей совесть...

— Иди ты со своей совестью, знаешь куда? — В зрачках матери сверкнула ненависть.

— И куда?

— К папе!

Ничего не оставалось делать. Мать ненавидела не только Феликса, но и мужа, ребятню в школе, их родителей, даже (иногда так казалось) собственных детей. По ее мнению, все были какие-то несостоятельные, безнравственные и безответственные. Андрей пошел слоняться по ресторану, разговаривал со знакомыми, изредка танцевал. Нет-нет да и задерживал взгляд на одинокой фигуре Риты. Она возила вилкой по тарелке, сосредоточенно думала. «Думай, Рита, думай, — усмехнулся он про себя. — Тебе есть о чем подумать». От нечего делать он вышел покурить, а там... отродье Феликса в лице Германа. Андрей сбежал по ступеням, не желая находиться с ним на одном пяточке, закурил.

— Слушай, Андрей... — спускаясь к нему, сказал Герман. — Кончай к Рите приставать.

— Кончают, знаешь, когда? — грубо парировал Андрей. — Мне это дело нравится, и я не прочь...

— К Рите не лезь, понял? Будешь надоедать...

— Кому? Рите? — сделал наивное лицо Андрей.

— Мне! — закипел Герман. — Мне, Андрюша. Не прекратишь, я тебя с твоим собственным дерьмом смешаю.

— А, понятно. Ты теперь всех хочешь с дерьмом смешать, сам-то в нем давно.

Андрей швырнул только что начатую сигарету и ушел в ресторан. Его чуть не сбил с ног

жених, который подбежал к Герману и начал что-то быстро и возмущенно говорить...

— Есть хочешь? — спохватилась Света.

— Может, мне еще и выпить за здоровье твоего мужа? — сердито спросил Егор и сел на место жениха, отвернувшись от нее.

Она тяжело вздохнула, чуть-чуть не расплакалась. Ух, она покажет этому... мужу! Она ему устроит! Тронув Егора за рукав пиджака, жалобно позвала:

— Егор...

Он оглянулся. Веснушки уже не смеялись... Егор жестко сказал:

— Я за тобой. Выйти можно через черный ход, я проверил. Идем.

Он смотрел строго и решительно, наверное, так могут смотреть только в двадцать лет. В первый момент ему показалось, что Света готова сорваться и бежать с ним без оглядки... Но она опустила голову и плаксиво выговорила:

— Не могу.

— Что значит «не могу»? — возмутился Егор и был абсолютно прав. — Что за идиотская покорность? Ты, случайно, не мусульманка?

— Егорушка... ты ведь ничего не знаешь...

— И знать не хочу. Тоже мне, рабыня Изаура!

— Тише, на нас смотрят.

— Плевать я хотел... Последний раз спрашиваю: идешь со мной или нет? Учти, не уйдешь сейчас...

— Егорушка, миленький, — затараторила Света, — подожди немножко, совсем чуточку подожди. Я от них скоро освобожусь, и тогда...

— От кого это ты мечтаешь освободиться?

Они были так увлечены спором, что не заметили подошедших Германа и жениха Марата Ступина. Впрочем, Марат уже несколько часов находился в звании мужа. Герман, задавший вопрос, смотрел на парочку насмешливо. Егор отметил, что